

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСТУЛАТЫ И МОДУЛИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Голубовская Ирина Александровна,

д-р филол. наук, проф.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Настоящая статья посвящена изложению теоретико-методологических основ исследования культурно обусловленных языковых феноменов. Определяется содержание современного понятия "национально-языковая картина мира" в контексте гумбольдтовского понятия "языковая форма". Обосновывается тезис о манифестации национально-культурных особенностей определённого языкового коллектива на всех без исключения уровнях языковой структуры.

Ключевые слова: *антропологическая парадигма, национально-языковая картина мира, культурный концепт*

Рубеж тысячелетий в лингвистике ознаменовался очередной сменой моды на ракурс рассмотрения языковых явлений, появлением и реализацией в лингвистических исследованиях иного "стиля мышления", задавшего новые параметры постановки и разрешения научных языковедческих проблем. Если принять в качестве исходной предложенную Ю.С. Степановым [Степанов 1985] трёхчленную схему эволюции теоретических представлений в лингвистике: "философия шимени" (семантическая парадигма) ↔ "философия предиката" (синтаксическая парадигма) ↔ "философия эгоцентрических слов" (прагматическая парадигма), то, исходя из приоритетных стратегий лингвистики сегодняшнего дня, нетрудно предположить, что мы находимся на третьей ступени поступательного развития философских воззрений на язык, когда в центр лингвистического внимания перемещён субъект, познающий мир, мыслящий, оценивающий, чувствующий, детерминированный определённой культурой – пользователь языком. Появление новой научной парадигмы в языкознании (в смысле господствующего в данную эпоху взгляда на язык), как и в любой другой области знаний, следует признать событием естественным и даже прогрессивным, отвечающим духу научного поиска: "В истории лингвистики неоднократно происходило концентрирование фокуса внимания на той или иной отделе взятой ипостаси языка, что обычно обеспечивало прорыв в понимании соответствующих его характеристик..." [Кибрик 1996, 232]. Известный американский учёный Дж. Брунер, формулируя в своей монографии "Акты понимания" собственное представление о сдвиге в научной парадигме, подчёркивал, что в лингвистике и психологии вопрос о ментальных сущностях и состояниях, о воле, интенции, представления о внешнем мире, сформулированные конкретной культурой, *уже нельзя считать запретным*. Науки о человеке, по его мнению, "лишь теряют от того, что при конструировании своих предметов они забывают о детерминированности человека прежде всего историей и культурой..." [Цит. по Фрумкина 1996, 79–80]. Кризис имманентно-семиологического подхода к изучению языка доказал правоту Э. Бенвениста, который пророчески предсказал возможность создания новой лингвистики на основе триады терминов – язык, культура, человеческая личность. Ю.С. Степанов, рассматривая различные "образы языка" в лингвистике XX века

("язык как язык индивида", "язык как член семьи языков", "язык как структура", "язык как система", "язык как тип и характер" и т.д.), приводит в качестве результирующего определения, сложившегося к концу ушедшего столетия, такую его дефиницию: "язык как пространство мысли и дом Духа" [Степанов 1995, 30 – 31]. При таком подходе к осмыслению сущности языка далеко на задний план отходит "инструменталистское" понимание этого сложнейшего феномена (язык как средство познания, мышления и коммуникации), уступая первое место гумбольдтовским идеям о языке как "эманации духа" народа, что в современной науке обретает следующие формулировки: "Язык – дом бытия человеческого существа" [Хайдеггер 1988, 354]; "Язык – дом бытия духа" [Степанов 1995, 32]. Именно в ракурсе такого понимания содержательное наполнение понятия "мировоззрение народа" может получить максимально широкое толкование – как осмысление, переживание и оценка мира тем или иным этносом, воплощённые в языковых национально-специфических формах: "... язык есть орган внутреннего бытия, даже само это бытие, насколько оно шаг за шагом добивается внутренней ясности и внешнего воплощения" [Гумбольдт 1984, 47]. Можно без преувеличения сказать, что гипотеза лингвистической относительности в наши дни обретает контуры теории. Напомним, что в соответствии с постулатами гипотезы Сепира – Уорфа, разработанной в тридцатых годах прошлого столетия, логика мышления, специфика мировидения и характер познания действительности тем или иным этносом предопределяется языком общения данного социума. Гипотеза декларирует безоговорочный примат языка над категориями мышления и сознания: "Формирование идей является не независимым процессом, строго рациональным в старом смысле, а частью *определённой грамматики* (Курсив мой – И.Г.)... Мы расчлняем природу по линиям, предложенным нашим родным языком, ... организуем её в понятиях и приписываем ей значения так, как мы это делаем в значительной степени потому, что мы являемся участниками соглашения организовать его таким образом – соглашения, которое предлагает нам наше языковое сообщество и приводится в систему по образу нашего языка. Соглашение, конечно, неявное, незаключённое, однако его условия являются абсолютно обязательными" [Уорф 1960, 184–185]. Гипотеза Сепира-Уорфа возникла не на пустом месте, а как логическое продолжение идей Гумбольдта о различных языках как различных способах видения мира и интерпретации его человеческими сообществами. Всякий язык, по Гумбольдту, созидает для пользующегося им народа картину мира, как бы обводя вокруг него некий магический круг определённых представлений и образов: "В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встаёт между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него" [Гумбольдт 1984, 80]. Выйти за рамки этого круга можно только путём изучения другого языка, "вступления в другой круг", т.е. через проникновение в систему мировидения, запечатлённую иным языком. Таким образом, различия между языками проявляют себя как нечто большее, чем просто языковые различия, являясь, по сути, разными видениями мира: "Языкам, достигших высоких степеней совершенства, свойственны собственные мировоззрения" [Гумбольдт 1984, 322]. "Промежуточный мир" (Zwischenwelt), т.е. язык, фактически подчиняет себе человека, предопределяя его

практическую деятельность: человек обращается с предметами так, как их преподносит ему язык, ведёт себя в обществе так, как предписано языком, мыслит так, как это предопределено языком. Идеи основоположника общего языкознания и антропологического подхода к языку В. фон Гумбольдта были возрождены в XX столетии в рамках лингвистического направления, получившего название неогумбольдтианства, которое оформилось двумя основными разновидностями – европейской (Л. Вайсгербер, Й. Трир, П. Хартман) и американской (Э. Сепир, Б. Уорф).

Культурно-философская интерпретация языка, безусловно, не противопоставлена инструменталистской, находясь с ней в отношениях, если можно так выразиться, дополнительной, а не контрастной дистрибуции. Очевидно, целостное представление о языке может дать исследование его проявлений во всех отведённых ему ролях: язык как код (знаковая система); язык как средство познания; язык как инструмент коммуникации; язык как "дом бытия духа народа". Таким образом, как нам представляется, утверждение в лингвистике новой точки зрения на язык не приводит к отказу от предшествовавших теоретических наработок, а лишь к их кратковременному забвению. Позволим себе в поддержку высказанного выше привести слова французского философа языка П. Серио: "... в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую, сосуществуют, в одно и то же время игнорируя друг друга" [Серио 1993, 52].

Перемещение человека и всего человеческого в центр лингвистического внимания, осознание языка как воплощённой духовной энергии народа привело к пересмотру многих, казалось бы незыблемых, аксиом языкознания, в частности, к ревизии лингвосемиотических и семантических догматов.

Как известно, Ч. Моррис выделял три семиотических аспекта: семантику, синтактику и прагматику, подразумевавших, соответственно, отношение знака к предмету обозначения, отношение между знаками в данной системе, и отношение к знакам тех, кто ими пользуется. Будучи справедливым для искусственных знаковых систем, это членение начинает "хромать" применительно к языковой системе как семиотической системе особого рода. Фердинанд де Соссюр формулировал основные положения знаковой теории языка, отталкиваясь от того общего, что существует между знаковыми системами, включая и язык как особую знаковую систему. По Соссюру, лингвистика является лишь частью семиотики (или семиологии в терминах Соссюра), находясь с последней в видо-родовых отношениях включения, где семиология выступает родовым по отношению к лингвистике понятием. Таким образом, своеобразие языка как особой знаковой системы, созданной человеком с целью обеспечения познавательной и коммуникативной деятельности, в период господства "имманентной лингвистики" не могло, естественно, стать предметом серьёзного научного интереса: "на протяжении долгого времени лингвистика изучала не язык как таковой, в единстве его телесного и духовного аспектов, а лишь грамматический, синтаксический и семантический скелет языка. Именно по этой причине не удавалось перекинуть мостик от языка к мышлению, нащупать их связующее начало. Между тем не скелет, а душа языка, т.е. опредмеченное в нём мировоззрение, идеология, система ценностей, напрямую связывают его с душой говорящего субъекта, его внутренним миром, мышлением" [Борухов 1991, 116].

В рамках структурной лингвистической парадигмы были развиты семасиологический (форма $\Rightarrow$ значение) и ономасиологический (значение $\Rightarrow$ форма) подходы к исследованию языка, которые могли реализовываться как в своей функциональной, так и структурной разновидностях [Даниленко 1990]. Формулировка же принципов антропоцентричности и антропоморфности языка задала не просто новый аспект лингвистических изысканий, но и привела к новым пониманиям и трактовкам. Так, А. Вежбицкая пишет: "Сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка" [Wierzbicka 1991, p.16]. Коль скоро это так, все языковые значения являются субъективными и этноцентричными, а семиотические аспекты взаимоотношений между знаками, выделенные Ч. Моррисом (семантика, синтактика, прагматика), оказываются несостоятельными как методологическая основа исследования естественного языка – знаковой системы особого рода. Осознание функциональной синкретичности языка, а также его ориентированности на выражение мировидения определённого этноса привело к радикальному пересмотру всех существовавших ранее концепций лексического значения (предметной, отображательной, релятивной, образной, функциональной и др., см. подробнее Голубовська 1995, 8–13). Как известно, именно серьёзные расхождения в толковании природы лексического значения слова стали краеугольным камнем в размежевании старой структурной парадигмы и новой когнитивной. Если структуралисты-семантики утверждали отображательно-обобщающий характер лексического значения слова, понимая его как совокупность объективно присущих денотату отличительных признаков [Панфилов 1977, 79 – 80; Уфимцева 1986, 29], то представители когнитивной лингвистики сосредоточились на его субъективизме, антропоцентричности, культурной обусловленности и энциклопедизме. В русле идей когнитивной лингвистики лексическое значение выступает актом интерпретации фрагмента мира человеком, не сводимым к отношению между знаком и реалией, т.е. к референции. Будучи ментальной сущностью, способной обретать своё истинное бытие только в человеческом сознании, значение входит составной частью в структуры знаний об окружающем мире, с чем и связан его энциклопедический характер. Исследовать семантику слова для лингвиста-когнитолога значит, прежде всего, дать описание эталонного ментального образа, находящегося в сознании человека и соответствующего слову, а вовсе не очерчивать условия и границы денотации. Фокус внимания учёных-семантиков, таким образом, переместился с внешнего мира, где присутствует лишь реальный объект, на сознание говорящего как место "прописки" образа, вместилище прототипических представлений, вербализируемых словом. При этом языковые категории трактуются как составная часть когнитивного аппарата человека: "Оказывают им честь или нет, называя их "концептуальными", языковые категории – это категории нашей когнитивной системы, и исследование всех категорий нашей когнитивной системы должно включать также и исследование языковых категорий" [Лакофф 1988, 47].

Коль скоро значение не есть отображение объективных признаков предмета, а только тех, что выделены человеком как важные ввиду специфики его контакта с предметом [Wierzbicka 1991, p.16; Падучева 1996, 5-6), теряется, нейтрализуется противопоставление семантики как одного из трёх семантических аспектов и праг-

матики. Напомним, что в рамках структурно- семантической парадигмы коннотативный, прагматический компонент значения противопоставлялся предметно-понятийному значению как базовой семантике словесного знака. Кроме того, когнитивисты отрицают особый характер грамматической семантики по сравнению с семантикой лексической, сводя первую и вторую к семантике как таковой¹. Позволим себе привести цитату из А. Вежбицкой в подтверждение и развитие вышеприведённых рассуждений: "Язык является интегрированной системой, где всё предназначено для выражения значения: слова, грамматические конструкции, различные "иллокутивные" средства (включая интонацию). Таким образом, можно поспорить с тем, что лингвистика распадается на три части, которые можно назвать лексической семантикой, грамматической семантикой и иллокутивной (прагматической) семантикой... В естественных языках значения выступают интерпретациями человеком окружающего мира. Значение субъективно, антропоцентрично, во многом культурно обусловлено, отражая как культурно обусловленные типы социального взаимодействия, так и объективные черты окружающего мира как такового" (Пер. с англ. мой – И.Г.; Wierzbicka 1991, p. 16–17).

Таким образом, на рубеже веков наметилась коренная смена базисной научно-лингвистической парадигмы, произошёл переход к неофункционализму (неонеклассицизму), представленному когнитивным и коммуникативным направлениями, что привело к пересмотру многих традиционных положений семантики и лингвoseмиотики. Определилась и утвердилась установка на рассмотрение языковой формы как отражения структур человеческого сознания, мышления и познания. Языкознание нового времени включило в сферу своей компетенции нетрадиционные для лингвистики содержательные сущности: юнговские архетипы, культурные концепты, концептуализированные области, картины мира. Для молодой парадигмы языкознания характерны новые установочно-познавательные параметры: широкая экспансия в другие науки, антропоцентризм и функционализм в изучении языковых явлений, учёт всех функций языка, объяснительный характер толкования языковых феноменов [Кубрякова 1994 б, 5]. Лингвисты, действующие в рамках заданных приоритетов, пытаются вскрыть глубинную связь когнитивных структур человеческого сознания с языковыми формами, проследить "модус" отражения характера познания и восприятия мира в глубинных вербально-невербальных ментальных образованиях, относящихся к сфере бессознательного. Широкая палитра работ последнего времени (А.Вежбицкой, Н.И. Сукаленко, Н.Д. Арутюновой, В.Н. Телии, Е.С. Яковлевой, В.Н. Топорова, Т.И. Вендиной, Е.В. Урысон, Г.И. Берестнева, О.А. Корнилова, О.В. Тищенко, Г.М. Яворской, Т. В. Радзиевской и многих-многих других) выполнена в культурно-антропологическом ракурсе. Их авторы стремятся исследовать "язык культуры" реконструировать языковое этническое сознание, выявить культурно-языковые национальные стереотипы, определить взаимовлияние языка и духовной культуры. Фронтальность подобных исследований, а также раз-

¹ Вспомним в связи с этим категорическое требование У. Вейнрейха, следовавшего логике "Синтаксических структур" Н. Хомского, исключить семантические соображения из грамматического описания и описывать грамматику автономно по отношению к семантике [Вейнрейх 1970, 167].

нообразие используемых в них стратегий поиска "человека через язык" позволяет говорить о том, что антропологическая парадигма в лингвистике уже в общих чертах сложилась и набирает силу.

Утверждение в лингвистике нового образца постановки и разрешения научных проблем привело к необходимости пересмотра утвердившихся в отечественном языкознании под влиянием марксистско-ленинской теории отражения модулей осознания специфики взаимодействия языка и мышления, языка и сознания, к поиску новых методологий и подходов в исследовании семантического континуума естественного языка.

Одним из центральных понятий нового когнитивно-культурологического подхода к изучению языковых явлений стало понятие языковой картины мира.

Эту красивую и довольно точную метафору можно встретить в трудах В. Гумбольдта и его последователей – неогумбольдтианцев Л. Витгенштейна, Л. Вайсгербера, Й. Трира, Б. Уорфа. В украинской и в российской лингвистике активное использование этого понятия приходится на начало второй половины XX века, когда на первый план в лингвистических исследованиях выдвинулась проблема описания внешней и внутренней структуризации лексико-семантических полей и установления системных отношений между ними. (См. работы семидесятых годов Ю.Н. Караулова, А.И. Кузнецовой, Ф.А. Никитиной, А.А. Уфимцевой, Г.С. Щура и др.). Широко употребляясь в современных культурологических и лингвистических исследованиях, данная метафора, похоже, уже в значительной степени утратила свою образность, стремясь к обретению терминологического статуса. По нашему глубокому убеждению, императивом для современной антропологической лингвистики должно стать расширительное толкование термина "языковая картина мира", отталкивающееся от того содержания, которое Гумбольдт вкладывал в понятие "формы языка". Будучи неповторимо индивидуальным образованием для каждого языка, выражая духовность народа, "форма языка", по Гумбольдту, представляет собой объединение отдельных языковых элементов в едином целом. Различая два типа языковой формы – внутреннюю и внешнюю, Гумбольдт отводит внутренней форме первостепенную роль, разумея под ней внутреннюю структуру языка в целом, глубинный принцип его порождения. Внешняя форма языка, манифестируя и воплощая внутреннюю, запечатлевает её в звуковой и семантической (лексико-грамматической) языковых субстанциях.

В лингвистике семидесятых-восемидесятых годов на вооружение было взято узкое понимание картины мира, к чему, очевидно, располагала бытовавшая в то время "мода" на межкузыковые исследования лексико-семантических полей [Trier 1973; Супрун 1988; Уфимцева 1986 и др.]. Ю.Н. Караулов, заложивший своей знаменитой монографией "Общая и русская идеография" основы изучения лексико-семантических полей в советской лингвистике, понимал под языковой моделью мира "...способ существования лексики (словаря) в сознании носителя" [Караулов 1976, 274]. С ним солидарен Г.А. Брутян, определяющий языковую картину мира как "...знание, закреплённое в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков" [Брутян 1973, 109]. В рамках лингвострановедческой теории слова национальная специфика языка виделась исследователям также только на лексическом уровне [Верещагин, Костомаров 1980].

По нашему глубокому убеждению, лингвистика сегодняшнего дня нуждается в широком осмыслении понятия "языковая модель мира". С точки зрения австралийского лингвиста А. Вежицкой, национально-культурная специфика ментальности и характера этноса находит своё выражение не только на лексико-семантическом, но и на морфологическом и синтаксическом уровнях языковой структуры [Вежицкая 1996]. Подобный взгляд разделяет и проф. В.Н. Телия, считающая, что языковая картина мира создаётся не только красками конкретной лексики и опредмечиванием процессуальных значений, но также "...использованием синтаксических конструкций, изначально отображавших отношения между элементами предметно воспринимаемой действительности..." [Телия 1988, 178]. Таким образом, традиционный подход к интерпретации языковой картины мира как конструкта, сопряжённого прежде всего и главным образом с лексикой конкретного языка, можно в определённой степени считать лингвистическим анахронизмом. Мы исходим из следующего утверждения: субстанционально-идеальное пространство языка, будучи единым и непрерывным, моделирует специфические черты национального мировосприятия и национального склада мышления фактически на всех стратификационных уровнях языковой системы посредством дознаковых, знаковых и супразнаковых языковых величин.

Как известно, основными функциями любого естественного языка считаются коммуникативная и познавательно-отображательная¹. Если благодаря первой язык выступает средством общения и обмена информацией, вторая делает возможным хранение и организацию знаний об окружающем мире. Познавательно-отображательная функция языка получила в языкознании ещё несколько названий: номинативная (от лат. *nomen* – имя, название), конститутивная (от лат. *constitutus* – определённый), ментальная (от лат. *mens, mentis* – разум). Расшифруем и сведём воедино имплицитные смыслы приведённых наименований познавательно-отображательной функции языка: обозначая языковыми знаками впечатления, инициированные фрагментом реального мира, данным этносу в непосредственном восприятии, "этнический человек" пытается определить (вскрыть) сущность предметов и явлений. Будучи оязыковлёнными, представления и понятия определённого языкового коллектива вступают как бы в обратную связь с мыслительным процессом этноса в целом, направляя его по национально детерминированному руслу: "Язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка – когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении её к непрерывной культурной традиции соответствующего народа" [Морковкин, Морковкина 1997, 47–48]. Таким образом, язык оказывается не просто хранителем информации, накопленной языковым социумом на долгом историческом пути развития: с помощью языковых форм запечатлевается способ мировидения этноса, взгляд на мир через "вуаль" национа-

¹ Вопрос о языковых функциях нельзя отнести к малоизученным: по этой проблеме существует обширная литература, тем не менее, количество и содержательное наполнение функций у разных авторов представляется по-разному: в различных источниках количество функций колеблется от одной до двадцати девяти [Тер-Минасова 1998, 7].

льно-культурных представлений и образов, что делает национальный язык важнейшим этногенным фактором, по сути дела, главным средством "этнической социализации" индивидуума.

Взаимодействие коллективного языкового сознания, реального мира и языка как средства фиксации знаний о мире приводит к формированию особого феномена – национально-языковой картины мира (национально-языковой модели мира). По словам В.И. Постоваловой, картина мира ни в коей степени не является стенограммой знаний о мире, она "не есть зеркальное отображение мира и не открытое "окно" в мир, а именно картина, т.е. интерпретация, акт миропонимания... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение" [Постовалова 1988, 55].

Обобщая все имеющиеся подходы к определению данного понятия, но не углубляясь в их детальное рассмотрение, можно принять в качестве "рабочего" следующее определение: национально-языковая картина мира есть выраженное этносом средствами данного языка мироощущение и миропонимание, вербализированная интерпретация языковым социумом окружающего мира и себя самого в этом мире.

В качестве факторов, детерминирующих онтологию национально-языковых картин мира, следует назвать **реальный мир** (вернее, его фрагмент, данный этносу в его непосредственно-чувственном восприятии), а также **коллективное этническое сознание**, сохраняющее опыт предшествующих поколений и отражающее реальный мир в поступательном процессе познания. В поле непосредственных ощущений этноса вовлекалась прежде всего природная среда обитания этноса, а позднее, в ходе исторического развития и самоидентификации этноса – и материальная рукотворная среда. По меткому выражению Г.Д. Гачева, "национальный образ мира есть диктат национальной природы в культуре..." [Гачев 1988, 431]. Национально-специфические ощущения, материализуясь в ткани языка, порождают ту особую для каждого языка субстанцию, каковая в современной антропоцентрической лингвистике получила название национально-языковой картины мира (далее – НЯКМ). Логика подсказывает, что центральную её часть составляет тот единый понятийный базис человеческого сознания, на котором и зиждется, в терминах А. Вежбицкой, "психологическое единство человечества". Вот как рассуждает по этому поводу создательница теории семантических примитивов как универсального метаязыка семантического описания: "...Наряду с огромной массой понятий, специфических для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира... Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура..." [Вежбицкая 1996, 321–322]. Таким образом, общий базис выступает центральной частью НЯКМ, представляя собой набор языковых универсалий, отражающих единство различных языков и культур. Нет сомнений в том, что эта часть НЯКМ наименее интересна учёному, вознамерившемуся исследовать национально-специфические доминанты языкового сознания этноса, инкарнированные языковыми формами: ведь национально-языковая специфика возникает при проецировании на единый логико-понятийный каркас различных НЯКМ этно-специфических нюансов мироощущений, мироосмыслений и мирооценок. Сое-

динение универсального с национальным в языковой субстанции и творит "лицо" национального менталитета, прорисовывая его в языковых формах.

Особенности концептуализации "вещного" мира языком проявляются и в таких абстрактных семантических категориях, как модальность, каузация, оценочность; особенности вторичного означивания в метафорической сфере языка также подпадают под действие данного фактора и т.п. Известный лингвист Е.В. Падучева пишет в предисловии к книге А. Вежбицкой "Язык. Культура. Познание": "...языки существенно различаются степенью тщательности разработки вполне абстрактных семантических полей – таких как ... агентивность, сфера эмоционального... Та или иная концептуализация внешнего мира заложена в языке и не всегда может быть выведена из различий в "условиях его бытования" [Падучева 1996, 21]. Если природные и факторы материальной культуры оказываются нерелевантными при объяснении национально-специфического в языках, тогда "в игру" может вступить фактор национального характера или – шире – национальный менталитет как этно-психический феномен.

Суммируя вышесказанное, сформулируем основные теоретико-практические положения, на наш взгляд необходимые и достаточные для проведения сопоставительного лингвокультурологического исследования.

Первое. Понимание разных культур как качественно отличных модусов восприятия одной и той же реальности позволяет трактовать культуру в терминах особенного типа знания, которое отражает сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик. Язык выступает в двойной функции формы сохранения и формы воспроизведения культуры, то есть духовным инструментом формирования специфики мировидения своего носителя – народа. Изучение языка как культурного феномена в единстве трёх семиотических аспектов: семантики, синтактики и прагматики способствует выявлению лингвокультурем, то есть тех "культурнонагруженных" языковых единиц, которые воплощают результаты взаимодействия языка и культуры. Причём культурная информация "разбросана" по всему формально-семантическому языковому континууму, не образуя онтологически реальной системы.

Второе. Исходя из природы двух факторов порождения национально-самобытных концептов в рамках национально-языковых картин мира (естественная природная среда обитания этноса и национальный способ мышления, национальная ментальность), лексика конкретного национального языка может быть поделена на две больших группы: 1) концепты реальных объектов внешнего мира; 2) концепты коллективного этнического сознания. Слова, принадлежащие первой группе, распадутся на три подгруппы: 1а) номены, обозначающие одинаковые для разных языков понятия, которые отличаются степенью детализации и содержательным наполнением значений; 1б) номены, обозначающие специфические, уникальные для определённого языкового ареала понятия (безэквивалентная лексика); 1в) номены, обозначающие близкие понятия разной прототипической отнесённости (слова с разным лексическим фоном). В рамках второй группы лексики выделяются следующие три подгруппы: 2а) культурно обусловленные слова-концепты, обозначения абстрактных специфических понятий; 2б) номены, имеющие в своей структуре оценочно-ценностный коннотативный компонент; 2в) слова, которые принадлежат сфере мифических категорий, порождение коллективного сознания этноса.

Третье. Культурные концепты, или "ключевые слова культуры" толкуются как культурно обусловленные ментальные образования, которые имеют непосредственное отношение к ценностям, идеалам, установкам этносов и в которых находят своё наиболее полное отображение особенности национального характера и восприятия мира. Концептуальный анализ как способ исследования культурно детерминированных понятий нуждается во всесторонней процессуальной объективизации. Адекватной выборке слов-культурных концептов могут способствовать шесть основных принципов: 1) принцип словарной (культурной) разработанности; 2) принцип частотности употребления; 3) принцип высокой словообразовательной разработанности; 4) принцип распространённости в рамках фразеологических единиц языка; 5) принцип облигаторности аксиологической маркированности; 6) их "ключевой" характер для духовности определённого лингвокультурного ареала.

Четвёртое. Специфику этнической ментальности наиболее рельефно воплощают слова-культурные концепты (например: укр. *воля, доля, лихо*; рус. *тоска, удал, воля, судьба, правда, пустота*; англ. *self, individualism, privacy*; франц. *savoir vivre*; кит. *qi* (мировая энергия), *yin* (женское начало), *yang* (мужское начало), *ming* (судьба), которые выступают фундаментальными понятиями определенной духовной культуры и часто не имеют соответствий в других языках. Межъязыковое сопоставление, на первый взгляд, однопорядковых концептов (например, укр. *доля* – рус. *судьба*; укр. *воля* – рус. *воля*) обнаруживает их существенные расхождения, предопределенные как сугубо лингвистическими, так и экстралингвистическими, историко-психологическими факторами.

Пятое. Взаимовлияние среды обитания языкового социума (естественной и рукотворной), этнического сознания и духовной культуры этноса создаёт лингвокультурное содержание определенного языка, единичным проявлением которого является лингвокультурный факт ("культурный концепт", "лингвокультурема", "логоэпистема"). Лингвокультурный факт является воплощением отчуждённой языком реальности, в виртуальном пространстве которой объективно существующие предметы и явления обретают субъективную оценку.

В триаде отношений *окружающая среда – этническое сознание – язык этноса* фактор естественной среды играет важнейшую роль в формировании лингвокультурного содержания языка, одной из основных составляющих которого являются образные эталонные стереотипы восприятия и осмысления действительности. Источником их образования является определенный набор референтов, специфика которого задаётся тем фрагментом естественной среды обитания, который дан этносу в непосредственном восприятии. Вторичная образная или символическая категоризация присуща, как правило, лишь тем референтам, которые распространены на территории проживания этноса. Источником образных эталонных стереотипов могут выступать флора и фауна, климат, ландшафт, природные ископаемые, характерные для географического ареала, где проживает определенный этнос.

Номены животных (домашних и диких) и растений (полевых и культивированных) в их вторичном "антропоморфном" означивании позволяют исследовать работу гностико-ассоциативно-оценочного аппарата этнического языкового сознания. Специфика распределения эмоциональных оценок-коннотаций между одинаковы-

ми референтами в разных языках проливает свет на систему национально-культурных предпочтений и ценностей, формирование которой, как представляется, в значительной степени принадлежит сфере коллективного подсознательного.

Уникальность национального эмотивно-образного осмысления животного предопределяется несколькими факторами: 1) географической и культурной отдаленностью языковых регионов; 2) "жизнью" животного в национальном фольклорно-мифологическом и литературном контексте; 3) значимостью животного в культурно-хозяйственной деятельности этноса (домашние животные), а также его распространенностью в естественной среде обитания этноса (дикие животные).

Шестое. Паремии (поговорки и пословицы) выступают той частью национальной фразеологии, которая наиболее ярко выражает национально обусловленные ценностные представления народа об окружающем мире и о своем бытии в нём. Аксиологическая значимость паремиологических единиц позволяет рассматривать их как продукт морально-ценностной концептуализации действительности языками. Паремиологический корпус любого языка отображает не только универсалии общечеловеческого жизненного опыта, но и демонстрирует неповторимые образцы национальной логики и мироощущения, что способствует выявлению ментальных особенностей этносов.

Седьмое. Анализ представлений разных этносов о жизни и смерти, работе и времени, богатстве и бедности на паремиологическом материале с применением понятия *ценностной информемы (идеологемы)* предоставляет возможность делать определённые обобщения относительно этической оценки вышеперечисленных феноменов как проявлений традиционной народной морали разноязычных этносов.

Восьмое. Выбор определённого явления действительности в качестве объекта паремиологической детерминации свидетельствует о его значимости для носителей этнического языка и культуры. Психологически и культурно важные для этнической ментальности феномены "стихийно" подвергаются количественной маркировке на языковом уровне, что создаёт некий индекс содержания культуры, который зачастую указывает на относительную приоритетность разных аспектов этнической культуры для её носителей.

Девятое. Берясь за кросс-культурное исследование, ученый должен руководствоваться этическим принципом "презумпции непонимания", сформулированным московским исследователем Георгием Гачевим: лингвист-культуролог обязан не только нивелировать привычные схемы восприятия и понимания, навязанные ему родным языком, но и преодолеть свой подсознательный этноцентризм для достижения максимальной объективности при интерпретации лингвокультурных фактов языков, носителями которых выступают разные этносы.

В заключение хотелось бы привести слова Ю.М. Лотмана: "человек обречён жить в культуре так же, как он живёт в биосфере" [Лотман 1992, 9], из чего логически следует: язык, обслуживающий ту или иную культуру, воссоздаёт прежде всего образ пользователя этой культурой и языком – образ этнической языковой личности. Самореализуясь в бесчисленных актах языкового словотворчества, этнический человек задаёт определённые параметры квантования ментально-культурного пространства языка, характер которых детерминирован особенностями его восприятия и оценки мира. Номинативные и пропозициональные акты, материализующиеся в

национально-языковых формах, могут дать ключи к пониманию того, каким именно способом культура включена в язык, на каких контрапунктах культурная семантика интенсивнее всего взаимодействует с языковой.

Статтю присвячено викладу теоретико-методологічних засад дослідження культурно зумовлених мовних феноменів. Визначається зміст сучасного поняття "національно-мовна картина світу" в контексті гумбольдтівського поняття "мовна форма". Обґрунтовується теза про маніфестацію етно-культурних особливостей певного соціуму на всіх без винятку щаблях мовної структури.

Ключові слова: антропологічна парадигма, національно-мовна картина світу, культурний концепт.

The present paper is dedicated to the theoretical basement of research of culturally determined language phenomena. The notion of "language world model" is being determined. A parallel is drawn between Humboldt's "language form" and up-to-date linguistic concept of "language world model". The thesis about the manifestation of national and cultural features of ethnic community on all levels of language structure is being put forward. Main postulates concerning possible ways of contrastive culturological analysis are presented.

Key words: anthropological paradigm, language world model, concept.

Литература:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист [Под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Борухов Б.А. "Зеркальная" метафора в истории культуры / Б.А. Борухов // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 109–117.
3. Брунер Дж. Психология познания / Дж. Брунер [Пер. с англ. К.И. Бабицкого]. – М.: Прогресс, 1977. – 412 с.
4. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Г.А. Брутян // Науч. докл. высш. шк. Философ. науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
5. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Прогресс, 1993. – 268 с.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая [Пер. с англ. А.Д. Шмелёва; под ред. Т.В. Булыгиной]. – М.: "Языки русской культуры", 1999. – 780 с.
8. Вейнрейх У. О семантической структуре языка / У. Вейнрейх // Новое в лингвистике. – Вып. 5.: Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 163–249.
9. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
10. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы / Г.Д. Гачев. – М.: Сов. писатель, 1988. – 445 с.
11. Голубовська І.О. До проблеми співвідношення значення та поняття, значення та змісту в сучасній лінгвістиці / І.О. Голубовська // Мова та історія. – Вып. 8. – К., 1995. – С. 8–13.
12. Голубовська І.О. Етнічні особливості мовних картин світу / І.О. Голубовська. – К.: Логос, 2004. – 283 с.
13. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 451 с.
14. Даниленко В.П. Ономастическое направление в грамматике / В.П. Даниленко. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. – 347 с.
15. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355с.
16. Кибрик А.Е. О "невыполненных обещаниях" лингвистики 50-60-х годов / А.Е. Кибрик // Московский лингвистический альманах. – Вып. 1. "Спорное в лингвистике". – М., 1996. – С. 230–233.
17. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.
18. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике: Проблемы когнитивной лингвистики. – 1988. – Вып. 28. – С.12–52.
19. Лотман Ю.М. Избранные статьи / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1.: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.

20. Морковкин В.В. Язык как проводник и носитель знания / В.В. Морковкин, А.В. Морковкина // Русский язык за рубежом. – 1997. – № 1 – 2. – С. 44 – 53.
21. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой / Е.В. Падучева // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 5 – 32.
22. Панфилов В.З. О гносеологических аспектах проблемы языкового знака / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 2. – С. 3 – 14.
23. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8 – 69.
24. Серио П. В поисках четвёртой парадигмы / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 1. – Харьков: Око, 1993. – С. 37 – 52.
25. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 350 с.
26. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 332 с.
27. Степанов Ю.С. Изменчивый "образ языка" в науке XX века / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 7 – 34.
28. Супрун А.Е. Принципы сопоставительного исследования лексики / А.Е. Супрун // Методы сопоставительного изучения языков. – М., 1988. – С. 26 – 31.
29. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173 – 204.
30. Тер-Минасова С.Г. Изучение иностранных языков и культур на университетском уровне / С.Г. Тер-Минасова // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 2. – С. 7 – 19.
31. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Прогресс, 1960. – С. 135 – 168.
32. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная "анатомия" / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – № 3. – 1995. – С. 3 – 16.
33. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принципы семасиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 360 с.
34. Фрумкина Р.М. Куда же нам плыть? / Р.М. Фрумкина // Московский лингвистический альманах. – Вып. 1. "Спорное в лингвистике". – М., 1996. – С. 67 – 81.
35. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме (Пер. с нем.) / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 314 – 356.
36. Trier I. Aufsätze und Vorträge zur Wertfeldtheorie / [Hrsg. Von Antony van der Lec, Oscar Reichman]. – Hague; P.: Mouton, 1973. – 216 s.
37. Wierzbicka A. Cross – Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka. – B. – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 502 p.